

Штрихи к портрету подвижника чести, умевшего держаться в потоке перемен¹

У подвижников чести (именно таким был наш герой — поразительный китаец, с российскими родственниками которого меня свела судьба) жизнь всегда тревожная. Судьба не всегда к нему была благосклонна, а обстоятельства и прихоти времени нередко ставили в тупик. Вихри, штормы, взлеты, падения, вакханалии политических кампаний, партийные чистки, борьба характеров, поиск утраченной свежести, обретение нового дыхания... Все происходившее с самой населенной страной мира в XX веке вместилось в жизнь этого человека. К тому же из 82 лет, отпущенных ему судьбой, почти 30 он прожил в Советском Союзе. И все нюансы совсем непростых, порой неоднозначных отношений между Москвой и Пекином проходили через его сердце. И требовалось напряжение ума и нервов, чтобы понять: «Куда несет нас рок событий». Сколько их было, беспрецедентных поворотов судьбы — дух захватывает! Когда в середине 50-х он вернулся в Китай, фраза «русский с китайцем — братья навек» была символом веры. Но через несколько лет предубеждения стали превращаться в недоверие, появилась враждебность. Идеологическая полемика между Москвой и Пекином, напоминая религиозную рознь, переросла в стратегическое противостояние. Но вот, почувствовав историческую ответственность за судьбы поколений, Москва и Пекин начали поиски сближения.

К сожалению, сегодняшнюю эпоху партнерства, которую олицетворяет фраза Дэн Сяопина «закрыть прошлое — открыть будущее», наш герой не застал. Выбор слова — это выбор судьбы. И я убежден: он принял бы этот выбор наших народов душой и сердцем.

«За всю свою жизнь, — писал он в своем завещании, — я никогда не занимался накоплением личных сбережений и никогда не хотел, чтобы мои дети жили за счет моих заслуг». Как просто и честно. А не кажется ли вам, что этот странный китаец не вписывается в наш суетный надменный век с его жестким материальным взглядом на вещи, что оседлали человека и гонят его вскачь.

После того как в Китае удалили с политической сцены «банду четырех» — режиссеров избиений и погромов в эпоху «культурной революции» (1966—1976), которую назовут потом «годами бедствий и хаоса», многие миллионы репрессированных вернулись к активной жизни, умудренные знанием тягот народного бытия. Среди них был и наш герой. Как и большинство его товарищей, он не замкнулся на голом отрицании и разоблачении проклятого прошлого, не терзал окружающих своими обидами и болезнями. Надо было лечить страну и, как сказал архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, «догонять эпоху». В этом был смысл реформ. Как человек социального долга, наш герой служил «делу, а не ли-

¹ Впервые опубликовано в журнале «Россия—Китай XXI век», октябрь 2006. С. 40—45.

цам». Сыграла свою роль многовековая традиция причастности грамотных мужей к ответственности перед обществом.

В 1968 г. в разгар «культурной революции», когда по всей стране искали врагов, нашего героя арестовали, объявив «лицом, идущим по капиталистическому пути», а затем наклеили ярлык «советского агента». Как писала потом газета «Жэньминь жибао», выдвинутых против него обвинений он не признал и от своих свершений не отказался. В одиночной камере он просидел более семи лет и только после устранения «банды четырех» был реабилитирован. Справедливость восторжествовала.

Иные времена — иные песни. Благородного мужа избрали в Народный политический консультативный совет Китая. Члены этого общенационального совещательного органа могут вносить советы и рекомендации в верховные эшелоны власти. Превозмогая недуги (у него были парализованы конечности), он делал все возможное, чтобы восстановить доброе имя своих товарищей, которые в 20—40-е годы прошлого века учились и работали с ним и погибли по клеветническим обвинениям.

Он получил огромную по тем временам сумму денег в качестве компенсации за потерянные семь с лишним лет активной жизни, но себе оставил лишь самую малую толику. Все остальное отдал государству. «Следуйте примеру Цзи Чжи» — гласила директива ЦК Компартии Китая.

Цзи Чжи родился на заре XX в. в портовом городе Чжэньцзян, что в провинции Цзянсу, на пересечении Великого Канала с рекой Янцзы, в 150 км от Нанкина, древней столицы Поднебесной. Род Цзи (это фамилия нашего героя) поселился в этих местах в середине XVI в. Основателем этого клана выходцев из Сучжоу считается некий Кайюань Гун. Предки были в основном землепашцы. Цзи Вэйгао, отец нашего героя, подрядчик и строительный техник, крепко стоявший на ногах, был несказанно рад появлению на свет мальчика. Ведь до сих пор рождались только девочки — их было уже четверо. И соседи посматривали на Цзи Вэйгао сочувственно. Было такое старинное поверье: если у тебя нет сына, то в подземном царстве мертвых ты обречен на голод и жажду, ведь только потомкам-мужчинам дозволено подносить душам умерших жертвенное мясо и вино. Пришлось Цзи Вэйгао (он, кстати, был главой седьмого поколения рода Цзи) взять вторую жену. Выбор оказался удачным. По китайскому календарю шел год Буйвола. Отец надеялся, что первенец будет трудолюбивым, терпеливым, усердным, целеустремленным. Как буйвол. Китайцы верили в некую мистическую связь с животным, под знаком которого они родились. Но не учел Цзи Вэйгао того, что люди, родившиеся под этим знаком, наделены еще и недюжинным упрямством, склонны до конца отстаивать свою точку зрения. Ему казалось, что раз, согласно народной мудрости, «буйвол боится нового плуга, а человек нового места», сын будет всегда с ним. Он и дом построил для его будущей семьи. Но сын не оправдал надежд. Цзи Чжи (кстати, имя Чжи, которым его наделили в школьные годы, значит «справедливый») построил свою жизнь в духе именно этой восточной мудрости.

Поначалу все развивалось без помех. Отец дал сыну начальное классическое образование. При рождении мальчика назвали Юаньмао. Иероглиф «юань» зна-

чит «первый, главный» — намек на первородство. Мальчик проявил явное пристрастие к учебе. И в 1915 г. впервые покидает насиженное гнездо — поступает в американский миссионерский колледж в Янчжоу, где давали хорошее знание английского языка, что очень ему пригодилось: пришлось ему быть и преподавателем английского языка, и переводчиком. Все, к чему прикасался в жизни, он использовал.

Время становления его личности было беспокойным — через 10 лет после рождения Цзи Чжи мощный социально-политический взрыв уничтожил маньчжурскую империю — последнюю императорскую династию в истории Китая. Произошло небывалое: азиатская деспотия облачилась в республиканские одежды. Но революция, к сожалению, не принесла мира государству и процветания народу. Наступила затяжная пора соперничества милитаристских клик, противоборства Гоминьдана и компартии, гражданских войн, борьбы с японской агрессией. Китай мучительно искал пути к национальному возрождению, политики вели споры о будущем страны.

В пору учебы Цзи Чжи в миссионерском колледже произошло событие, сыгравшее огромную роль в развитии страны и в его личной судьбе. В январе 1919 г. открылась Парижская мирная конференция. Китай рассчитывал, что страны Антанты в благодарность за вступление страны в войну на их стороне помогут вернуть исконные земли в провинции Шаньдун, которыми владела Германия, а затем Япония. Однако союзники отказались даже рассматривать вопрос о восстановлении суверенитета Китая, поправленного неравноправными договорами, и признали за Японией право на «германское наследство». Это циничное решение вызвало взрыв стихийного возмущения в разных городах Китая. Так родилось патриотическое «движение 4 мая». Начатое пекинскими студентами, оно постепенно приобретало черты движения общенационального, антиимпериалистического. Речь шла о путях развития и возрождения страны.

Цзи Чжи активно включился в антияпонские демонстрации в городе и вместе с другими студентами колледжа выступил за увольнение неугодных американских преподавателей, ведь борьба за новую культуру была частью «движения 4 мая». Его исключили из колледжа, но желание получить высшее образование сохранилось. Цзи Чжи отправился в Сучжоу и поступил на подготовительный курс института Дунъю. За активное участие в студенческом движении его вновь исключили. Возмущенный отец, считавший все эти гражданские порывы сына бузотерством, отказался оплачивать учебу, а чтобы отвлечь его от революционных деяний, решил женить. Браки в ту пору всегда совершались по воле родителей, жених и невеста редко виделись до свадьбы.

Но водоворот событий уже захватил Цзи Чжи. О карьере профессионального революционера он поначалу не помышлял, скорее ставил цели просветительские. Многие тогда считали: «Наука и современная промышленность спасет Китай». В 1921 г. в родном городе по воскресеньям он читал лекции, основал еженедельник «Новый Чжэньцзян», но его содержание, слишком радикальное, беспокоило городские власти, и они запретили издание, а руководство коммерческой школы поставило условие: больше никогда подобным делом не заниматься. Почувствовав, что на малой родине у него нет шансов реализовать себя, Цзи Чжи

отправился в Шанхай, поступил в высшее педагогическое училище (позднее оно стало школой подготовки коммунистических кадров). Шанхайский этап стал переломным в его судьбе. Он сблизился со многим известными коммунистами, в том числе с одним из основателей компартии Чэнь Дусю. Радикальные настроения в обществе становились все более популярными. В вечный спор о путях развития Китая вмешались события в России. В победе молодой советской республики в борьбе с интервенцией стран Антанты, то есть тех самых империалистических держав, которые рвали Китай на части, революционно настроенные молодые интеллигенты увидели пути решения проблем страны.

В марте 1922 г. Цзи Чжи вступил в комсомол. Два года был секретарем комсомольской ячейки университета Наньфан, потом стал участвовать в рабочем движении, был ответственным секретарем клуба товарищества рабочих западного Шанхая, превратившегося в один из главных центров рабочего движения в городе, где империалистическое господство было особенно ощутимо. Дальше события развивались стремительно. В сентябре 1924 г. партия направила Цзи Чжи в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), где он постигал основы революционной науки, штудировал марксизм. Тогда у него появился русский псевдоним — Сергей Викторович Караваев. Но уже в июне 1925 г. партия возвращает его в Шанхай. Набирало силу революционное движение «30 мая», оно радикально изменило политическую обстановку в стране и положило начало революции 1925—1927 гг.

Расстрел полицией международного селтльмента Шанхая демонстрации, проходившей под антиимпериалистическими лозунгами, вызвал взрыв патриотических чувств. Забастовали рабочие японских и английских предприятий, прекратили учебу студенты и школьники, начался бойкот японских и английских товаров. На этом фоне Цзи Чжи вступил в братство, связанное священной клятвой. Слово партии стало высшим законом его жизни. Хотя внешне это произошло весьма буднично — его просто перевели из комсомола в члены КПК. Он стал весьма заметной фигурой среди организаторов рабочего движения в Шанхае. Был среди основателей общества, которое оказывало помощь семьям рабочих, оставшихся без кормильцев в результате «белого террора», участвовал в сборе средств в фонд Кантон-Гонконгской забастовки, отправлял революционно настроенных рабочих в провинцию Гуандун для пополнения рядов Национально-революционной армии, которая готовилась к походу против северных милитаристов. В этот тяжелый для революции период Цзи Чжи работал в тесном контакте с Ли Лисанем, председателем правления федерации профсоюзов Шанхая, и его заместителем Лю Шаоци, впоследствии председателем КНР. Компартии явно не хватало надежных кадров, и Москва приняла решение ускорить их подготовку в КУТВ и партийных и военных школах на советском Дальнем Востоке. Большинство китайцев, окончивших эти учебные заведения, становились профессиональными революционерами.

В октябре 1926 г. ЦК Компартии Китая направило Цзи Чжи на Дальний Восток в распоряжение ВКП(б) на «культурно-просветительскую работу среди китайских рабочих». Так охарактеризовал этот мандат сам Цзи Чжи в автобиографии.

Сначала он работает преподавателем Приморской партшколы во Владивостоке, затем в том же качестве в Дальневосточном филиале КУТВ в Хабаровске, главным редактором еженедельника «Красный моряк», издававшегося для китайских моряков на Дальнем Востоке. Но тут последовал резкий поворот судьбы. Его мобилизовали в пограничные войска, он участвовал в боевых действиях против японских агрессоров, был тяжело ранен. «С 1 января 1933 года по 25 августа 1950 года, — пишет он в своей автобиографии, — работал в органах МГБ СССР». И после того как по состоянию здоровья вышел в отставку, Цзи Чжи снова стал педагогом — работал преподавателем китайского языка в Московском институте востоковедения, участвовал в составлении «Большого китайско-русского словаря» под редакцией профессора И.М. Ошанина. Любопытно, что и после возвращения в Китай, когда в годы российско-китайских разногласий его отстранили от работы в органах общественной безопасности КНР, он несколько лет работал заместителем директора Пекинской библиотеки.

Женитьба на Александре Павловне Переломовой, обучавшей его во Владивостоке русскому языку, открывает историю русской ветви рода Цзи. В декабре 1928 г. у них родился сын Леонард Переломов, ныне известный российский специалист по Конфуцию, доктор исторических наук, президент Русского конфуцианского фонда, член правления Международной конфуцианской ассоциации. Вот что он рассказывает о своей матери: «Она потомственная сибирячка, выпускница иркутской гимназии. Предки — казаки, которых сослали в Сибирь. По иронии судьбы ее отца — золотодобытчика — хунхузы (так называли китайских бандитов в Маньчжурии) убили в тайге после того, как отобрали у него золото...».

И вот еще один поворот судьбы. Супруги в 1937 г. расстаются. Сын, по обоюдному согласию, остается с отцом в Москве. В жизни Цзи Чжи появляется Мария Сергеевна Дудина из Орловской области, она ухаживает за Леонардом (ведь отец целыми днями на работе) и вскоре становится женой нашего героя. 9 мая 1939 г. появился на свет сын Анатолий, которого называли так в честь знаменитого советского летчика истребительной авиации Анатолия Серова, трагически погибшего в этот день. Вот уж воистину китаец Цзи Чжи жил в двух культурах.

В уютной московской квартире нашего знатока Конфуция на улице Вавилова я встретился со сводными братьями. Их имена, отчества и фамилии — это тоже часть обстоятельств и прихотей времени. Старшего брата зовут Леонард Сергеевич Переломов, младшего — Анатолий Сергеевич Кичжи. Отчество им досталось от коминтерновского псевдонима отца — Сергей Викторович Караванев. Сам Цзи Чжи известен в Советском Союзе как Кичжи, видимо Ки для русского слуха проще, а ведь нам свойственно всякое иностранное приспособлять к своему восприятию. Любопытно, что фамилия и имя Цзи Чжи стали фамилией Кичжи, поэтому и пишется вместе; так отец подписывал свои автобиографии. Но в документах он значился как Ки Чжи. Эта фамилия перешла к младшему сыну. А вот старший до получения паспорта — в школе и артиллерийском училище был тоже Кичжи, хотя мать в метрику его записала Переломовым. Когда он получил паспорт, отец посоветовал: «Запишись Переломовым, будет проще в жизни». Он был благородным мужем, зла на бросившую его жену не держал (ведь

и сам не был безгрешным). Он даже помогал все время матери жены, от которой отказались ближайшие родственники.

Вечер был посвящен отцу. Воспоминания были живыми и теплыми. Каждый припоминал свое, сокровенное. И было ощущение, что отец все время здесь, с нами.

Вспоминалось всякое. Леонард эмоционально поведал о том, как он, десятилетний мальчик, в хабаровской квартире вилкой покалывал под столом дядю Васю, капитана футбольной команды, который появился в их доме в то время, когда отец под подпольным именем Луань Баотин три года выполнял нешуточную секретную миссию в администрации главы Синьцзяна Шэн Шицай. Так мальчик выражал свое несогласие с тем, что чужой дядя сидел на стуле его отца.

В той командировке Цзи Чжи занимал важные посты в администрации: начальника управления транспорта, затем возглавлял управление почт и телеграфа. Это дало ему возможность установить курьерскую связь между Москвой и руководством КПК. Среди многих его удачных операций выделяется последняя. Когда возник знаменитый «Сианьский инцидент», он внес свою лепту в его ход.

В начале декабря 1936 г., когда японцы наращивали масштабы агрессии в Китае, генералы Чжан Сюэлян и Ян Хучэн, желая заставить Чан Кайши вместо того, чтобы тратить силы на борьбу с коммунистами, направить их на отпор иноземному нашествию, арестовали тогдашнего лидера страны в павильоне на склоне горы Лишань под городом Сиань, неподалеку от Беседки летящей росы, где некогда неподражаемая красавица Ян Гуйфэй, наложница императора Сюань-цзуна, принимала гостей. События вызвали бурную реакцию в Китае. Речь даже шла о фактическом устранении Чан Кайши. В Гоминьдане были деятели, симпатизировавшие Японии, и они требовали карательного похода в Сиань. Опасаясь новой вспышки гражданской войны, Москва выступила за мирное решение конфликта и освобождение Чан Кайши при условии, что он согласится сотрудничать с КПК в борьбе с японской агрессией. Шэн Шицай решил вмешаться в сианьские события — отправить телеграмму Чжан Сюэляну с предложением доставить арестованного Чан Кайши в Синьцзян. Цзи Чжи, понимая, что этот вариант не устраивает Москву, воспользовался ремонтом телеграфа и задержал телеграмму. А когда она была отправлена, конфликт был исчерпан. Чжан Сюэлян и Чжоу Эньлай, который вел переговоры от имени КПК, приняли точку зрения Москвы. То был рискованный шаг. Узнав о случившемся, Шэн Шицай отстранил Цзи Чжи от работы и посадил под домашний арест. Однако новый начальник подтвердил, что задержка телеграммы действительно произошла из-за неисправности старого оборудования и в этом не было злого умысла.

Шэн Шицай ограничился высылкой Цзи Чжи из Синьцзяна. Тот вернулся в Советский Союз, где его ждала семейная трагедия. Ангел-хранитель уберег его в Синьцзяне, где он был на волосок от разоблачения, но не спас от семейных невзгод.

Он был заботливым отцом. Одобрил выбор Леонарда — изучение древней истории Китая — и помогал ему в чтении текстов на древнем языке вэньянь, им владели далеко не все синологи.

«И все-таки как вы пришли к Конфуцию?» — спрашиваю Леонарда. «Видимо, сказало происхождение, — размышляет он. — Многие годы нарастало чувство неисполненного морального долга. Но хотя давно уже занимался древней историей Китая, приблизиться к Конфуцию опасался — слишком велик, нужны иные способности, иной уровень знаний. Кружил вокруг. Опубликовал две книги о его главных оппонентах — Цинь Шихуане и Шан Яне. Может, и сошел бы с марафонской дистанции, если б не массовая общественно-политическая кампания в Китае “критики Линь Бяо и Конфуция”. По долгу службы я разбирался в ее причинах. Так появилась книга “Конфуцианство и легизм в политической истории Китая”. То была первая попытка приближения к Конфуцию. Материал стал предъявлять свои требования, звал в глубину...»

Все-таки неисповедимы прихоти времени. Цзи Чжи, которого обвинили в «следовании по капиталистическому пути», конечно, был косвенно причастен к гонениям на приверженцев конфуцианства. Дэн Сяопина снимали со всех постов именно в этот период и окрестили «современным Конфуцием». Мао Цзэдун был великим грессмейстером политического жонглирования, и антиконфуцианская кампания, которую он инспирировал, была направлена против тех политиков, которые мешали его экспериментам над нацией. А Леонард Переломов на страницах китайской прессы той поры предстал «главным рупором советского ревизионизма и низкопоклонства перед Конфуцием».

И все-таки Цзи Чжи — пламенный революционер. Он прошел школу «движения за новую культуру», которое отрицало авторитет кумиров древности и в конфуцианстве видело апологетику монархизма и деспотии. Как же он относился к Конфуцию? Леонард Переломов убежден, что конфуцианство — это не столько идеология, сколько образ жизни. К тому же следует отделить истинного Конфуция от того, каким он предстает в изображении недобросовестных комментаторов. Кем бы ни был китаец, исповедует ли он даосизм, буддизм, христианство, веру в коммунизм или капитализм, он остается в душе конфуцианцем, потому что в своем поведении руководствуется «ли» — системой морально-этических норм, дающих обществу силу оставаться самим собой. Конфуций определил стиль всей китайской цивилизации. А я вспомнил, как смотритель священного грота в окрестностях Цюйфу, где родился великий мыслитель, убежденно сказал мне, что «Китай пропадет без памяти о Конфуции, он нужен китайцам, как пища и одежда».

А Анатолий размышлял о том, что его все время тянуло в Китай, хотелось понять свои семейные истоки. «Восточным человеком» он ощутил себя в девятимесячном возрасте. Когда мама гуляла с ним по Сретенскому бульвару, к ним подошел кто-то из съемочной группы фильма «Салават Юлаев», каким-то чудом уловивший восточные черты лица Анатолия. Им нужен был такой мальчик. «Артист» получил гонорар. Первый заработок в 9 месяцев!

Вспоминал Анатолий о том, как самозабвенно любил отец русскую литературу, русские песни и привил эту любовь сыну, требовал, чтобы он обязательно выучил наизусть его любимое лермонтовское «Бородино».

И вот такой эпизод. Отец как-то прогуливался по парку и вдруг услышал женское пение: «Как бы мне, рябине, // К дубу перебраться? // Я б тогда не стала

// Гнуться и качаться». Что-то изменилось в нем, он был явно растроган. Попросил женщин спеть еще раз: «Тонкими ветвями // Я б к нему прижалась...». Видимо, в этом трепетном женском многоголосье услышал он зов родины. Себя ощутил рябиной. В дубе почуял родину. Как знать, может быть, этот эпизод был главным в его решении вернуться на родину. Где-то в глубине души у него была спрятана эта тоска по родине. Может быть, чувство вины за покинутый дом? И вот он снова покидает дом, где остаются его жена и два сына. Старший уже выбрал путь, только что закончил вуз, работает в Институте востоковедения, защитил диссертацию, подрабатывает переводами. Он договаривается с Леонардом, чтобы он был с братом, не женился до тех пор, пока тот не поступит в институт. Все было выполнено. Выбор сына он одобрил. Анатолий с детства увлекся автомобилем, ходил в автокружок Дома пионеров. В 14 лет получил водительские права. Закончив автомеханический институт, он на всю жизнь связал себя с этой специальностью, работает в Центральном научно-исследовательском институте (НАМИ). Первые годы после отъезда отца в Китай шла интенсивная переписка. От отца с оказией регулярно приходили посылки. Братья бывали в Китае. Старший — в длительной научной командировке, младший — по приглашению отца. Но потом наступила долготелая пауза. Вот как рассказывает об этом Анатолий.

«В 1962 году переписка резко прекратилась. Терзала мысль: что с отцом? Когда началась “культурная революция”, поступила информация о многочисленных арестах, поползли слухи: отца, наверное, нет в живых. Но я не верил, не смирился. И когда понял, что ситуация меняется, возвращаются старые кадры, начал действовать. Обратился в Красный Крест — никакой информации. Писал письма в ЦК — нет ответа. Пошел на Лубянку, все-таки отец работал в органах. Выслушали, были внимательны, вежливы. Потом позвонили: есть информация в газете “Жэньминь жибао” о вернувшихся старых кадрах, упоминается фамилия отца. Я отправил письмо в ЦК КПК (на Лубянке не возражали — они ведь тоже были заинтересованы в какой-то информации. Это письмо с резолюцией ЦК КПК я увидел потом на столе отца).

И вдруг телеграмма от племянника отца: он в больнице, после операции, в тяжелом состоянии. Снова визит на Лубянку: «Обращайтесь в ОВИР, поможем». То была середина 1982 г., отношения двух стран еще не наладились, и, как потом выяснилось, для того чтобы встретились отец и дети, потребовалась помощь Дэн Сяопина и Юрия Андропова. Кстати, Цзи Чжи тоже неоднократно обращался в ЦК КПК — искал пути к воссоединению.

Та поездка братьев была встречей через 27 лет. А через несколько месяцев в Москву пришла еще одна телеграмма: «Отец в коме». Был конец 1982 г. Братья провожали отца в последний путь. Он скончался 3 января 1983 г. и был похоронен на кладбище Бабаошань, где покоятся выдающиеся деятели КПК.

Леонард вспоминает: «Когда отец лежал в реанимации под капельницей, он все время шептал в бреду: “Мама... мама”. Она была для него светом и утешением. Ей несладко жилось в доме отца. Вторая жена в традиционной китайской семье всегда была на вторых ролях. Мать Цзи Чжи умерла рано. Отец, вернувшись, сразу разыскал ее сестру и все время ей помогал».

Живя в России, наш герой писал: «Я горю желанием поехать в Китай, чтобы посвятить остаток жизни укреплению дружбы между народами СССР и Китая». Он, конечно, мечтал не только о дружбе великих народов, но и о сближении двух ветвей клана Цзи — китайской и русской.

«Жизнь течет, как эти годы, всякий день и всякую ночь», — говорил Конфуций. Много воды утекло с тех пор. И вот свершилось. Народы двух стран обрели добрососедство и партнерство. Президент Путин во время официального визита в КНР вручил Ху Цзиньтао впервые изданный в нашей стране перевод на русский язык конфуцианского «Четверокнижья». И этот дар был воспринят в Китае как знак признания россиянами величия китайской философской и политической мысли. Ответственный редактор этой книги — сын Цзи Чжи, знаток Конфуция Леонард Переломов. Его китайское имя: Цзи Ляола. Именно под этим именем он записан в семейное генеалогическое древо рода Цзи. Его брат Анатолий — по-китайски Цзи Далян. Миссию составителя этого древа, куда записаны все представители русской ветви Цзи, взял на себя Цзи Цзюньшэн, известный инженер-конструктор, живущий в Пекине, сын младшего брата Цзи Чжи, автор книги о своем дяде. Российские и китайские родственники регулярно встречаются, дружат. Недавно появился на свет Пётр — внук Анатолия Кичжи. Это событие праздновали в Москве и в Пекине.